

ОЛЕГ ФЕЙГИН

ВОЛЬФ МЕССИНГ

ПОВЕЛИТЕЛЬ СОЗНАНИЯ

ЭЛЕКТРОННАЯ ПАРАПСИХОЛОГИЯ
ГЛАЗАМИ ФИЗИКА

 ПИТЕР®

Олег Орестович Фейгин Вольф Мессинг – повелитель сознания

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=421842

Вольф Мессинг – повелитель сознания: Питер; Санкт-Петербург; 2010

ISBN 978-5-49807-688-1

Аннотация

Можно ли управлять окружающими, как это делал гипнотизер, ясновидец, телепат и артист оригинального жанра профессор Вольф Мессинг? Фантастика или реальность – создание приборов, подчиняющих себе человеческое сознание? Возможны ли ясновидение, телепатия, телепортация, путешествие во времени и существование параллельных миров? Какие тайны хранит история знаменитых магов, ясновидящих, колдунов, предсказателей и экстрасенсов? Что надо знать, чтобы не попасть под управление чужим разумом в обыденной жизни? Все ли нам предельно понятно или есть еще что-то, что современная наука объяснить не в состоянии? Вопросов больше, чем ответов... На страницах книги вас ждет увлекательное путешествие в мир современной науки, которая как никогда ранее близка к пониманию того, как устроен разум человека. Вашим экскурсоводом будет заведующий сектором

теоретической физики Института инновационных технологий УАН, действительный член УАН Олег Орестович Фейгин. Рассказывает он удивительно увлекательно и просто о самых сложных явлениях и новейших достижениях современной науки и техники в области управления сознанием.

Содержание

Об авторе	5
Предисловие	7
Глава 1	22
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Олег Орестович Фейгин **Вольф Мессинг –** **повелитель сознания**

Об авторе

Олег Орестович Фейгин – заведующий сектором теоретической физики Института инновационных технологий Украинской академии наук, действительный член УАН.

Научный редактор ежегодника УАН «Физика импульсных процессов», член редколлегии журнала «Космонавтика» и альманаха «Избранные труды УАН».

Основные публикации касаются специальных вопросов теоретической физики, включая квантовую радиофизику, информатику и космологию, физику космоса и биофизику космических стрессоров.

Опубликовал свыше 120 печатных работ, в том числе научно-популярные книги: «Тайны Вселенной» (Х.: Фактор, 2008), «Никола Тесла – повелитель молний» (СПб.: Питер, 2009), «Большой Взрыв» (М.: Эксмо, 2009), «Великая квантовая революция» (М.: Эксмо, 2009), «Тесла и сверхсекретные проекты Пентагона» (М.: Эксмо, 2009), «Никола Тесла. Гений или шарлатан» (М.: Эксмо, 2009), «Физика нереаль-

ного» (М.: Эксмо, 2010).

Все замечания и предложения вы можете выслать автору по адресу электронной почты folor@bigmir.net.

Предисловие

На пороге звездных войн

Все ученые должны соблюдать высокие этические стандарты. Для научных профессий должен быть установлен моральный кодекс, основанный на актуальных международных нормах по правам человека. Социальная ответственность ученых требует, чтобы они поддерживали высокие стандарты научной честности и качества, делились своими знаниями, доносили их до общественности и обучали молодое поколение. Политические власти должны уважать такие действия ученых. Учебные программы должны включать научную этику, а также изучение истории, философии и воздействия науки на культуру.

*Декларация о науке и использовании научного знания.
ЮНЕСКО – МСНС*

На вопрос, что такое чудо и чем оно отличается от самого необычного научного факта, можно дать четкий ответ: чудо есть результат, возникающий вне необходимых причинно-следственных связей... Когда говорят, что чудес не бывает, то под этим подразумевают возможность установить истинные причинно-следственные связи, ибо современная техника и технология позволяют сегодня получать в самых разных областях настолько фантастические

результаты, что их вполне уместно называть чудесами.
*А. М. Хазен. О возможном и невозможном в науке, или Где
границы моделирования интеллекта*

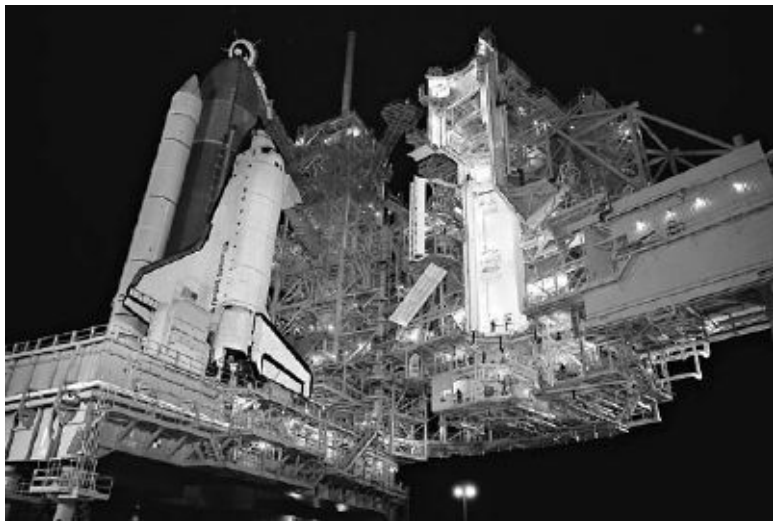

Рис. 1. Один из космических кораблей многоразового использования проекта «Спейс Шаттл» на старте

...Пентагон также рассчитывает использовать челночные корабли для регулярного вывода в космос спутников-шпионов и другого тяжелого военного оборудования. Именно по настоянию министерства обороны, сообщила телекомпания Эй-би-си, грузоподъемность корабля увеличена до 30 тонн. Согласно данным «Нью-Йорк Таймс», в случае успеха

намечено еще три испытательных полета «Колумбии». В настоящее время в стадии строительства находятся еще по меньшей мере три корабля по программе «Шаттл». До 1992 года запланированы 113 полетов по программам Пентагона.

Сообщение ТАСС о первом полете челнока «Колумбия»

Темный усеченный конус трехметровой длины медленно плыл в сотнях километров над земными морями и материками. Если бы он был одушевленным существом, то давно бы потерял счет бесконечным оборотам вокруг голубой планеты, с тех пор как перестало биться его электронное сердце и застыли потоки электронов в закоулках многочисленных таинственных приборов. Почти четыре десятка лет назад тогда еще новенький аппарат непонятного назначения с каким-то тысячным номером серии «Космос» был выведен на орбиту со стандартной формулировкой «для метрологических и геофизических исследований». Прошло много лет, прежде чем на стол руководителя спецподразделения «космической разведки» Пентагона легла страничка зашифрованного текста шпионского сообщения с перечнем космических объектов, участвовавших в грандиозном сверхсекретном проекте советского военно-промышленного комплекса «дальней лазерной локации» под странным названием «Гранит». Тогда самая мощная в мире военная лазерная установка импульсной накачки, воплотившая безумные мечты инженера Гарина, начала «визирование орбитальных объектов», фактиче-

ски обстреливая их монохроматическими пучками высокоэнергетических квантов.

Изменение оперативной обстановки над Западной Сибирью первыми почувствовали многочисленные американские спутники-шпионы, которые стаями вились на низких орбитах, спиральями охватывающих земной шар. Сначала стали необратимо выходить из строя большие пленочные интегральные схемы, и космические шпионы ослепли, оглохли и онемели, затем настала очередь высокочувствительных детекторов радиационной обстановки, и, наконец, выгорели фотомножительные сенсоры «звездной привязки», управляющие сервоприводами внешней ориентации солнечных батарей. Сами же солнечные ячейки кремневых и арсенид-галлиевых полупроводниковых преобразователей света в электричество еще долго бессмысленно пытались питать энергией мертвые электронные приборы.

Как и предполагалось советской аэрокосмической разведкой, вскоре для ревизии довольно странных внештатных сбоев явился американский пилотируемый челнок, буквально нашпигованный разнообразнейшими детекторами и измерительными системами. В его грузовом отсеке располагался громадный «многодиапазонный электронный магнитооптический локатор земного рельефа», или, попросту говоря, сверхчувствительный гибрид подзорной трубы и фотоаппарата для подглядывания за тем, что же творится на территории вероятного противника.

Начальник комплекса «Гранит», узнав о том, что операторы Центра управления полетами (ЦУП) на мысе Канаверал начали перевод «Шаттла» на другую орбиту, с удовлетворением откинулся в кресле и с усмешкой, слегка пожав плечами, распорядился:

Загрузка «Программы 3», отрабатываем схему контроля поля излучения аппаратами «Метеор» и «Космос».

Не прошло и получаса, как вблизи «космического Бермудского треугольника», который эксперты из США впоследствии более правильно назовут «вытянутым эллипсоидом аномального воздействия микроволнового излучения», возник американский космический корабль многоразового использования (ККМИ). Челнок появился на гораздо более высокой орбите, настроженно ощупывая десятками сенсорных систем лежащее внизу пространство.

Детектирую вспышку лазерного визира, – доложил бортинженер челнока, с трудом преодолевая внезапно навалившуюся сонливость.

Сибирские астрономы, наверное, подумали, что мы новый Тунгусский метеорит, – отчаянно борясь с нахлынувшей зевотой, хихикнул командир экипажа.

У-у-у, мои пломбы, – неожиданно взвыл второй пилот. Его всхлипывания и взвизги уже никто не слышал, весь оставшийся небольшой экипаж погрузился в глубокий, на грани обморока, сон. К счастью, не автопилот уверенно выводил челнок за границы странного «Сибирского эллипса»,

как его впоследствии прозвали операторы НАСА...

Далеко внизу, в сотнях километров под «Шаттлом» бесшумно смыкались ирисовые диафрагмы и броневые заслонки над странной конструкцией из переплетающихся волноводов и фазированных антенн – истинного виновника этих событий – настоящего чуда инженерной мысли, второго компонента проекта «Гранит», сверхмощного мазера¹ «Гранит-М»...

На следующий день где-то в недрах аналитического центра Главного разведывательного управления (ГРУ) два человека в неприметных штатских костюмах просматривали листки скупого текста с множеством схем, графиков и диаграмм. Наконец один из них, выглядевший постарше, с довольным видом откинулся в своем кресле.

Ну что же, – его уверенный властный голос тут же выдал в нем старшего по званию, – картина ясна, и в целом успех налицо.

Немного посидев с отсутствующим видом, как бы вслушиваясь в свои мысли, начальник резко перестал улыбаться и отрывисто скомандовал:

Записывайте: объект «Гранит-Один» вывести из эксплуатации и законсервировать, развернуть в утвержденных ранее точках строительство второго и третьего объектов. Все, – он

¹ Мазер (квантовый усилитель) – прибор, в котором используются искусственно удерживаемые в возбужденном энергетическом состоянии атомы, посредством чего достигается усиление радиосигналов.

решительно захлопнул красную папку с золотым гербом, – можно «наверх», докладывать результаты.

Второй, молчаливый, собеседник пружинисто подскочил и вытянулся по стойке смирно:

– Разрешите идти, товарищ генерал?

Небрежно кивнув, начальственный хозяин кабинета не удержался от невольного вопроса:

Так что, говоришь, в «насовском» центре Годдарда лихо-радочно меняют полетную сетку «Спейс Шаттлов»?

И, не слушая уставного ответа: «Так точно! Меняют, товарищ генерал!», еще раз небрежно махнул рукой и погрузился в следующую стопку бумаг из папки с угрожающим грифом «Строго секретно», на которой каллиграфическим почерком было выведено «НИР "Гранит-М"».

Пролетели десятилетия, рухнула одна из могущественнейших в мире держав, что кардинально изменило геополитическую обстановку. Вместе с политической системой обрушилась и экономика страны, потянув за собой науку, культуру и образование. Лишь в редких интеллектуальных «очагах» на месте распавшихся и разгромленных НИИ теплился огонь исканий. И над всеми этими проблесками разума распростерли свои долларовые крылья многочисленные заокеанские фонды «развития», «поддержки» и «содействия».

Подбрасывая жалкие грантовые подачки наиболее перспективным коллективам, они тут же «выдергивали» наиболее интересные результаты вместе с одаренными исследова-

телями, вынужденными с этого момента влачить сытую, но жалкую судьбу «интеллектуальных рабов» вдали от своей Родины.

НИИ проблем нейрофизиологии и космической медицины некогда входил в одно из отраслевых подразделений всемогущей «фирмы Королева». Когда так называемые «демократы» в ходе «перестроечного» развала страны подняли по заокеанской команде жуткий вой, стеля о «бесчеловечной космонавтике, выкачивающей последние копейки у бедствующего народа», институту и костяку его ведущих сотрудников удалось-таки остаться на плаву. Впрочем, рано посевший директор этого уникального исследовательского центра, практически не имеющего аналогов в мире, склонен был считать такое положение института скорее «полузатопленным».

Как-то раз в кабинете седовласого директора, ломавшего голову над тем, как же оплатить гигантские счета за теплоснабжение и электроэнергию, прозвенел тревожный телефонный звонок. Звонил один из многочисленных заместителей мэра, бывший бандит, утомившийся от кровавых «разборок» и легко купивший себе приносящий немалый доход муниципальный пост. Сопя и отрыгивая остатки недавнего хмельного застолья с другими «отцами города», этот малограмотный «светоч новой демократии и истинного народовластия», как, не замечая явной тавтологии, наперебой возносили его местные продажные борзописцы, начал поучать

убеленного сединами академика:

– Ты, это, того, директор, делись давай. Ты что думал, закрылся там у себя и спрятался? – послышалось некое подобие утробного хохотка. – Я тут послал людей к тебе, они прищурят все, что понравится, снимать будут, ну, что выкупят, может... Ты того, в доле будешь, а не то смотри, «профессор», – утробное ржание повторилось, но уже явно в угрожающем тоне.

Задохнувшийся от негодования ученый молча положил трубку и надолго застыл в немой горести, охватив голову руками. Когда же минута душевной слабости прошла, за директорским столом сидел совсем другой человек. На губах академика блуждала ироническая полуулыбка, а в уголках глаз, спрятанных за толстыми полихромными стеклами очков, затаилось что-то очень жесткое и не обещающее ничего хорошего для окружающих. Это состояние яростного тихого гнева прекрасно знали все провинившиеся сотрудники. Поэтому, когда секретарь услышала по селектору обманчиво спокойное: «Пригласите ко мне, пожалуйста, начальника третьего сектора», она даже непроизвольно вздрогнула. Лихорадочно щелкая рычажками допотопного коммутатора в поисках вызванного сотрудника, она как-то отстраненно и неожиданно для себя подумала: «А вот теперь все будет хорошо, все плохое позади, шеф вошел в раж и наконец-то распустил крылья и не опустит их до тех пор, пока, как всегда, проблема не будет решена полностью и окончательно».

Символически постучав костяшками пальцев в дверь, порог директорского кабинета переступил молодежавый доктор биологических наук, он же начальник одного из самых загадочных секторов института, называемого в просторечии «биокивантовым». Не тратя времени на приветствия (оба уже виделись на кратком утреннем совещании), директор в двух словах пересказал разговор с бандитствующим «светочем нового народовластия».

Ну, это только цветочки, – неожиданно весело прокомментировал слова директора начальник третьего сектора, – и, как я понимаю, горькие ягоды воцарившейся анархии нам срывать вовсе ни к чему.

Да, вынужден признать. Вы были полностью правы, – академик как-то виновато хмыкнул, – мягкая либеральная интеллигенция должна когда-нибудь научиться зажигать спички.

Внимательно взглянув на своего подчиненного, директор широко улыбнулся:

Да знаю я, кого вы привели с собой, входите, входите, – директор махнул рукой в сторону двери, куда уже бочком протискивался человек странного, но хорошо известного типа: ученый в разорванном лабораторном халате, из-под которого выглядывали прожженные паяльником джинсы, растрепанной бахромой спадающие на старые кроссовки. Впрочем, все присутствующие знали, что за затрапезной внешностью скрывается один из самых блестящих умов современно-

сти – доктор физико-математических наук, открывший новые закономерности нейрокибернетической физиологии активных имплантатов. Весело блеснув глазами из-за толстых стекол очков, вошедший тряхнул спутанной рыжей шевелюрой с еле заметной проседью и хриплым голосом завязатого курильщика провозгласил:

– Итак, господа-товарищи, какие воспитательные меры будем применять к отбросам общества человеческого?

Маятник новейшей истории сделал еще одно совершенно неуловимое движение по временной спирали, и канули в небытие бурные и лихие девяностые. Страна медленно, но верно выходила из пьяного ступора и кровавого разгула «первичного накопления капитала». Заработали, и уже по-настоящему, а не на грантовых инъекциях, многие известные научные центры. Ну а в одном из «научоградов» недалеко от столицы еще долго ходили слухи о странном приборе, созданном в местном НИИ. Подобно волшебной дудочке Крысолова, этот чудо-прибор насмерть перепугал всех местных бандитов и мздоимцев, побросавших свое несправедливо нажитое добро и разбежавшихся как ошпаренные кипятком тараканы по всем далям и весям необъятной страны. Рассказывали и о странном случае с делегацией скабрёзно ухмыляющихся (а как еще можно назвать многочасовую «американскую» улыбку?) заокеанских работодателей. Посетив несколько лабораторий и напоследок повосхищавшись чудесами электронной нейрофизиологии третьего сектора, ма-

родеры интеллекта как-то сразу, без обычных проволочек и кабальных условий подписали все необходимые документы. После этого чахлый, но столь необходимый в разворачиваемом государстве ручеек грантов несколько лет просачивался в институт, помогая не бросившим на произвол судьбы свою Родину ученым преодолеть страшные последствия глубокого системного кризиса науки.

Как уже, наверное, догадался читатель, все это было как-то связано с уже известным нам НИИ космической медицины и нейрокибернетической физиологии, в конце концов снова заработавшим на воспрянувшую после долгого летаргического сна космическую отрасль.

...В одном из читальных залов института, примыкавшего к лаборатории электронной диагностики высшей нервной деятельности (ВНД), заставленным стеллажами и полками с книгами, журналами и растрепанными папками, оживленно беседовали двое ученых. Один из них – назовем его Физик – удобно откинулся в кресле за обширным письменным столом, выложив перед собой коробку ароматнейшего табака и трубку. Напротив него за журнальным столиком с аккуратной стопкой книг расположился его коллега по работе, назовем его Психологом. Психолог уже несколько минут в возникшую паузу с улыбкой наблюдал за ритуалом набивки трубки табаком и ее последующего раскуривания. Все это выглядело несколько комично, поскольку прямо над головой Физика висело чудесное увеличенное фото Эйнштейна, дер-

жащего в руках точно такой же курительный прибор и с лукавой усмешкой посматривающего на спорящих собеседников.

Дождавшись, когда Физик закончит церемониал и выпустит первый клуб дыма, Психолог продолжил прерванный разговор:

И все равно, коллега, я не совсем понимаю, почему этот странный эффект воздействия лазерного излучения на определенную группу БАТов (биологически активных точек) вы назвали квантовым эффектом Мессинга. Все-таки это выглядит несколько странно – связать физическую суть новейшего эффекта с именем этого полузабытого эстрадного иллюзиониста.

Точно о том же меня спросил и шеф, когда я представлял ему результаты проделанной работы, – Физик пыхнул трубкой и хитро посмотрел на коллегу. – Ему я ответил очень просто – это единственный известный человек в новейшей истории, который утверждал, что владеет «комплексной методикой проскопического гипнотического транса». Ну а результаты наших опытов вы знаете, да и сами не раз участвовали в экспериментах, в полной мере ощутив на себе квантовый эффект Мессинга.

Психолог непроизвольно передернул плечами, тут же вспомнив свое последнее погружение в «иную реальность». Легкое покалывание миниатюрных полупроводниковых

ОКГ-лазеров² меняет свой ритм, по телу проходит горячая волна, и вместо ванны с компенсационной жидкостью тело оказывается летящим в орбитальном полете. Плоское изображение, проецируемое на лицевой щиток скафандра, мгновенно распахивается немислимой глубиной пространства, и где-то на многотысячметровой высоте медленно вращается голубоватый лик родной планеты.

Нужно только взять себя в руки – сосредоточиться, и включается запутанная паутина обратных биологических связей, лихорадочное вращение прекращается, и начинается неопишное парение в «ближней Вселенной».

Наверное, что-то подобное испытывали герои американского писателя-фантаста Джека Финнея, когда, вживаясь в иную реальность, они силой разума преодолевали барьер между прошлым и настоящим. Еще более близка аналогия с «глубиной виртуального мира», куда погружались дайверы Диптауна из трилогии Сергея Лукьяненко «Лабиринт отражений»:

«Хочется закрыть глаза. Это нормально. Цветной калейдоскоп, блестики, искрящийся звездный вихрь – красиво, но я знаю, что стоит за этой красотой.»

Глубина. Ее называют «дип», но мне кажется, что по-русски слово звучит правильнее. Заменяет красивый ярлычок предупреждением. «Глубина!» Здесь водятся акулы и спруты. Здесь тихо – и давит, давит, давит бесконечное

² ОКГ – сокращение от «оптический квантовый генератор».

пространство, которого на самом деле нет.

В общем-то, она добрая, глубина. По-своему, конечно. Она принимает любого. Чтобы нырнуть, нужно немного сил. Чтобы достичь дна и вернуться – куда больше. В первую очередь надо помнить – глубина мертва без нас. Надо и верить в нее, и не верить. Иначе настанет день, когда не удастся вынырнуть».

Физик с видимым любопытством наблюдал за гаммой чувств, промелькнувших на лице Психолога.

А знаете что, коллега, почему бы нам не написать статью или даже обзор, посвященный нашему экстрасенсу. Кстати, и шеф давно уже намекал на необходимость удовлетворить аппетит газетчиков, рыщущих вокруг нашего института. Материалов у нас более чем достаточно.

Психолог с нескрываемым сомнением посмотрел на стопку книг, но, немного подумав, решил все же принять предложение своего коллеги:

Хорошо, давайте попробуем, во всяком случае суть квантового эффекта Мессинга в ходе такого разбирательства станет только яснее.

Глава 1

В начале пути. Мозг и сознание

Ближе к истине старинное изречение, что ребенок при рождении – это чистая доска, tabula rasa. Конечно, то, что будет записано на доске, определяется средой, в которой рос и воспитывался ребенок. Однако современная генетика заставляет нас помнить, что целый ряд конкретных поведенческих реакций животных наследственно закреплены. Так что в генетических особенностях эмоционально-поведенческого склада сомневаться не приходится. Поэтому мы не станем уверять читателя, что биологическая природа человека никак не связана с его духовным обликом. Разумеется, связана каким-то сложным способом, исследование которого явится увлекательной задачей науки в ближайшие десятилетия.

А. И. Китайгородский. Невероятно – не факт

«Я родился в России, точнее, на территории Российской империи, в крохотном еврейском местечке Гора-Калевария близ Варшавы. Произошло это в канун нового века – 10 сентября 1899 года.

Трудно сейчас представить и описать жизнь такого местечка – однообразную, скудную, наполненную суевериями и борьбой за кусок хлеба. Гораздо лучше меня это сде-

лал в своих произведениях великий еврейский писатель Шолом-Алейхем... Этого удивительного человека, так великолепно знавшего жизнь и чаяния еврейской бедноты, я любил с раннего детства. С первой и, к сожалению, единственной нашей личной встречи, когда ему, уже прославленному писателю, остановившемуся проездом в наших местах, продемонстрировали меня, девятилетнего мальчика, учившегося успешнее других. Помню его внимательный взгляд из-под очков, небольшую бородку и пышные усы. Помню, как он ласково потрепал меня по щеке и предсказал большое будущее... Нет, это не было предвидением. Просто Шолом-Алейхем верил в неисчерпаемую талантливость народа и в каждом втором мальчишке хотел видеть будущее светило. Эта вера отчетливо проявилась и в его проникнутых теплотой к простым людям книгах. Вспомните хотя бы его роман «Блуждающие звезды»... Конечно, с его новеллами, романами и пьесами я познакомился значительно позднее. Но и сейчас еще, когда я открываю иные страницы его книг, меня охватывают впечатления раннего детства. Вот к этим волшебным страницам одного из самых любимых моих писателей я и отсылаю своего читателя, который захочет представить жизнь еврейского местечка, в котором я появился на свет и прожил первые годы своей жизни».

Физик отложил книжку под претензионным названием «Я – телепат» и, усмехнувшись, посмотрел на Психолога, пролистывающего ДСП (материалы для служебного пользова-

ния) – сборник «Космическая медицина и физиология».

Ну и как это вам, милейший? Где здесь искать природу месмерического ясновидения?

Зря вы подтруниваете. Во всяком случае, если писатель этот, можно сказать «инженер душ человеческих», отмечает природный юный талант – это многое значит. Конечно, – Психолог веером пролистал страницы толстого сборника и, скептически хмыкнув, остановился на оглавлении, – если подходить с точки зрения ваших публикаций: «Моделирование психофизиологических парациркоидальных состояний», «Мультибиоконтурные модели в космической медицине» или «Биофизические гипнотренинги космонавтов», то нужны какие-то более весомые факты.

А вы послушайте дальше, мне кажется, здесь есть одна небольшая подсказка, – и Физик опять раскрыл книгу с броским названием «Я – телепат»:

«От этих первых лет не так уж много осталось у меня в памяти. Маленький деревянный домик, в котором жила наша семья – отец, мать и мы, четыре брата. Сад, в котором целыми днями возился с деревьями и кустами отец и который нам не принадлежал. Но все же именно этот сад, арендуемый отцом, был единственным источником нашего существования. Помню пьянящий аромат яблок, собранных для продажи... Помню лицо отца, ласковый взгляд матери, детские игры с братьями. Жизнь сложилась потом нелегкой, мне, как и многим моим современникам, довелось

немало пережить, и превратности судьбы оказались такими, что от детства в памяти не осталось ничего, кроме отдельных разрозненных воспоминаний.

Отец, братья, все родственники погибли в Майданеке, в варшавском гетто в годы, когда фашизм объявил войну человечеству. Мать, к счастью, умерла раньше от разрыва сердца. И у меня не осталось даже фотокарточки от тех лет жизни... Ни отца... ни матери... ни братьев...»

Физик постучал чубуком своей «эйнштейновской» трубки по хрустальной пепельнице и раздраженно заметил:

Уже с этого момента начинается полная путаница в биографических данных и забитая семья с отцом-деспотом превращается в свою полную противоположность. Вот послушайте дальше, – он продолжил чтение:

«Вся семья – тон этому задавали отец и мать – была очень набожной, фанатически религиозной. Все предписания религии исполнялись неукоснительно. Бог в представлениях моих родителей был суровым, требовательным, не спускавшим ни малейших провинностей. Но честным и справедливым.

Отец не баловал нас, детей, лаской и нежностью. Я помню ласковые руки матери и жесткую, беспощадную руку отца. Он не стеснялся задать любому из нас самую беспощадную трепку. Во всяком случае, к нему нельзя было прийти пожаловаться на то, что тебя обидели. За это он был беспощадно, обиженный был для него вдвойне и тройне ви-

новатым за то, что позволил себя обидеть. Это была бесчеловечная мораль, рассчитанная на то, чтобы вырастить из нас зверят, способных удержаться в жестком и беспощадном мире».

Психолог с сомнением покачал головой:

– Пожалуй, для четких выводов еще маловато информации. Конечно, здесь уже просматриваются некие предпосылки к формированию психологии личности. Следуя немецкому психологу Карлу Леонгарду, можно заметить: только то, что можно вывести из непосредственных наблюдений над живыми людьми и их поступками, следует считать психологически достоверным. И в первую очередь здесь имеется в виду психология личностей, называемых акцентуированными. Акцентуированные личности – это люди с ярко выраженной определенной чертой характера или набором таких черт, например мнительностью (Сталин), болезненной аккуратностью (Тесла), импульсивностью (Иван Грозный).

Понятно, что яркие впечатления детского возраста обязательно накладывают определенный отпечаток на основные черты психики взрослого человека. Тут бесспорно одно – и склонности, и направленность основных интересов любого человека возникают на грани внешнего и внутреннего. При чем то, что обычно называют судьбой, предначертаньем или роком, связано с тысячей больших и малых обстоятельств, порожденных как врожденным генотипом, так и окружающим миром. Какое именно направление получает духовное

развитие человека, во многом определяет окружающая среда. Точно так же врожденная направленность интересов и склонностей ни в коей мере не препятствует воспитательному воздействию. Более того, именно врожденная направленность и является часто основой любого воспитательного процесса. Например, если бы в человеке не была заложена тенденция к формированию чувства долга, то при помощи воспитания нельзя было бы побудить его делать одно и не делать другого.

Ну не знаю, не знаю, – Физик, посвистывая в мундштук, продул свою пустую трубку, – вообще-то говоря, мне всегда казалось, что люди отличаются друг от друга совершенно независимо от того, каким путем формируется их индивидуальный психический облик. Ну почти точно так же, как по внешности один человек всегда отличается от другого, – и ученый, отставив в сторону пустую трубку и кисет, раскрыл еще одну книгу воспоминаний Мессинга – «О самом себе»:

«Позже мне рассказывали, что в самом раннем детстве я страдал лунатизмом. Якобы мать однажды увидела, как я во сне встал с кровати, подошел к окну, в которое ярко светила луна, и, открыв его, попытался влезть на подоконник... Излечили меня – опять же по рассказам – корытом с холодной водой, которое в течение некоторого времени ставили у моей кровати. Вставая, я попадал ногой в холодную воду и просыпался... Какова доля правды в этом сообщении, установить не берусь, но я дал обещание ни о чем не умалчи-

вать. *Может быть, какой-нибудь на первый взгляд совсем малозначащий эпизод окажется для кого-нибудь из специалистов, прочитавших эту книгу, наиболее интересным и важным».*

Психолог не выдержал и расхохотался:

Да уж, способ лечения сомнамбулизма более чем оригинальный!.. Впрочем, извините, коллега, и, пожалуйста, продолжайте.

«Когда мне исполнилось шесть лет, меня отдали в хедер. Это слово немного говорит современному читателю. Но ведь шестьдесят лет³ назад три четверти населения царской России были вообще неграмотными. И люди ниже среднего достатка, какими были мои родители, да еще в бедном еврейском местечке, могли учить своих детей только в хедере – школе, организуемой раввином при синагоге. Основным предметом, преподаваемым там, был Талмуд, молитвы из которого страница за страницей мы учили наизусть...

У меня была отличная память, и в этом довольно-таки бессмысленном занятии – зубрежке Талмуда – я преуспевал. Меня хвалили, ставили в пример. Именно эта моя способность и явилась причиной встречи с Шолом-Алейхемом... Но общая религиозная атмосфера, царившая в хедере и дома, сделала меня крайне набожным, суеверным, нервным».

Ситуация понемногу проясняется, – довольно потер руки Психолог. – Когда мы говорим об индивидуальных чер-

³ Имеется в виду начало XX века. (Примеч. ред.)

тах формирующейся личности, то не представляем их как какой-то необозримый ряд возможностей, вдобавок еще и с множеством взаимных переходов. Тут надо четко понимать, что бесконечности неповторимых индивидуальных черт не существует. Собственно, только благодаря этому мы и можем детально анализировать психическое становление таких странных личностей, как Вольф Мессинг. Здесь даже можно было бы выдвинуть следующий тезис: основные черты, определяющие индивидуальность и характер человека, весьма многочисленны, но все же их количество строго ограничено.

Физик, закончивший к тому времени набивать ароматным табаком свою трубку, неопределенно пожав плечами, заметил:

Мне почему-то всегда казалось, что главное – это не количество психологических качеств, а то, что черты, определяющие индивидуальность человека, могут быть отнесены к четко очерченному психологическим сферам.

Раскурив трубку, Физик стал читать далее:

Рис. 2. Вольф – ученик хедера (Актер: Александр Хинкис. Кадр из основанного на произведении Эдуарда Володарского фильма «Вольф Мессинг: Видевший сквозь время» (2009) режиссеров Виталия Ускова и Владимира Краснопольского)

«Отметив мою набожность и способность к запоминанию молитв Талмуда, раввин решил послать меня в специальное учебное заведение, готовившее духовных слугите-

лей, – иешибот. У моих родителей и мысли не появилось возразить против этого плана. Раз раввин сказал, значит, так надо!.. Но мне отнюдь не улыбалась перспектива надеть черное платье священнослужителя...

Я наотрез отказался идти после окончания хедера в иешибот. Со мной сначала спорили, потом отступились. И тут произошло первое и единственное в моей жизни чудо, в которое я верил довольно долго. С тех пор я не верю чудесам, но ведь тогда мне было всего девять лет...»

Вот здесь, коллега, – Физик поднял вверх трубку, – я бы просил вас запомнить это оригинальное высказывание, ведь впоследствии начнется непрерывная череда этих самых чудес. Итак, что там у нас дальше:

«Однажды отец послал меня в лавку за пачкой папирос. Время было вечернее, солнце зашло, и наступили сумерки. К крыльцу своего дома я подошел уже в полной темноте. И вдруг на ступеньках выросла гигантская фигура в белом одеянии. Я разглядел огромную бороду, широкое скуластое лицо, необыкновенно сверкавшие глаза... Воздев руки в широких рукавах к небу, этот небесный – в моем тогдашнем представлении – вестник произнес:

– Сын мой! Свыше я послан к тебе... предречь будущее твое во служение Богу. Иди в иешибот! Будет угодна Богу твоя молитва...

Нетрудно представить себе впечатление, которое произвели эти слова, сказанные громopodobным голосом, на нерв-

ного, мистически настроенного, экзальтированного мальчика. Оно было подобно вспышке молнии и удару грома. Я упал на землю и потерял сознание... Очнулся – надо мной громко читают молитвы склонившиеся отец и мать. Помню их встревоженные лица. Но едва я пришел в себя, тревога их улеглась. Я рассказал о случившемся со мной родителям. Отец, внушительно кашлянув, произнес:

– Так хочет Бог... Ну, пойдешь в иешивот? Мать промолчала.

Потрясенный происшедшим, я не имел сил сопротивляться и вынужден был сдаться».

Вот здесь мы уже имеем все основания считать, что у нашего юного телепата началось формирование того, что профессор Леонгард называет «психической сферой направленных интересов и склонностей», – Психолог пружинисто подскочил из кресла и, промчавшись вдоль книжных стеллажей, вернулся с книгой внушительных размеров. Перелистнув несколько страниц, он поднял палец. – Вот, подавляющее большинство личностных интересов и склонностей носят характер выраженной эгоистичности, и лишь малая их доля, напротив, альтруистична. Так, один человек может все подчинить жажде наживы или обладать непомерным тщеславием, другой – отзывчив и добр. К этой же сфере можно отнести и чувства справедливости, боязливости или даже ненависти. Если одно из этих свойств психики очень ярко выражено или, напротив, мало развито, то есть основания

говорить о них как об индивидуальных чертах.

– Мн-н-нда... – Физик в задумчивости выпустил из трубки несколько колец голубоватого дыма и долго наблюдал, как они пронизывают друг друга. – Мне почему-то кажется, что в столь юном возрасте яркую выраженность подобных чувств еще нельзя считать основной причиной неординарности будущей личности, да еще и с акцентами в необычные психические способности. Конечно, столь необычное воспитание с мистико-религиозным уклоном, да еще и инсценированные чудеса как-то должны были влиять на детскую психику, но... – Физик перевернул страницу, – все же жизненная развилка у юного Вольфа была где-то впереди:

«...Помню иешибот. Он помещался в другом городе, и с этого началась моя жизнь вне дома. Опять Талмуд, те же самые, что в хедере, молитвы. Более широкий круг учителей, сменявших друг друга, преподносивших нам разные науки. Кормился – по суткам – в разных домах. Спал в молитвенном доме. Так прошло два года. И так, наверное, и сделали бы из меня раввина, если бы не одна случайная встреча.

Однажды в том самом молитвенном доме, где я жил, остановился странник – мужчина гигантского роста и атлетического телосложения. Каково же было мое изумление, когда по голосу я узнал в нем того самого «посланника неба», который наставлял меня от имени самого Господа Бога на путь служения ему... Да, это было то же лицо: широкая борода, выдающиеся скулы. Я испытал потрясение не мень-

шее, чем в момент первой с ним встречи. Значит, отец просто сговорился с этим прошедшим огонь и воду проходимцем, может быть, даже заплатил ему, чтобы тот сыграл свою «божественную» роль! Значит, отец попросту обманул меня, чтобы заставить пойти в иешивот! Если пошел на обман мой всегда справедливый и правдивый отец, то кому же верить?! Тогда ложь все, что я знаю, все, чему меня учили... Может быть, лжет и Бог?! Может быть, его и нет совсем? Ну конечно же его нет, ибо существуй он, всезнающий и всевидящий, он не допустил бы такое... Он на месте поразил бы громом нечестивца, осмелившегося присвоить себе право говорить от его имени. Нет Бога. Нет Бога.

Примерно такой вихрь мыслей пронесся у меня в голове, мгновенно разметав в клочки и очистив мой разум от всего того мусора суеверий и религиозности, которым меня напичкали в семье и в духовных школах...»

Рис. 3. Варшавская площадь, в глубине – один из иешиботов

С горечью вспоминает Мессинг свое более чем двухлетнее пребывание в иешиботе. Бесконечное заучивание все новых и новых молитв, скудное питание и короткий сон, явно недостаточные для растущего организма. Но, помня о наказе «посланца», он учился и благодаря острому уму и отличной памяти делал большие успехи. Не иначе как в скором времени пришлось бы ему надеть рясу раввина на радость родителям, если бы однажды.

Н. Димова. Вольф Мессинг. Драма жизни великого

Х-м-м-м, вы думаете, главный стресс-фактор попал у юного Мессинга на психологическую сферу чувств и воли? – Психолог в задумчивости перелистывал «Акцентуированных личностей» Леонгарда. – Не буду спорить, характер внутренней переработки явлений, да еще таких, как построение и разрушение мистических образов, во многом может определять у подростка значительные индивидуальные различия. Именно так возникают модификации индивидуальности и характера. Речь идет о самом процессе протекания эмоций, о скорости, с которой они овладевают человеком и затем ослабляются, о глубине чувства. Сюда же входят и виды волевых реакций, к которым мы относим не только слабость или силу воли, но и внутреннюю волевою возбудимость в плане холерического или флегматического темперамента. Свойства этой эмоционально-волевой сферы также в той или иной мере обуславливают различные вариации поведения, иногда наделяя людей специфическими индивидуальными чертами, такими как сверхчувствительность к различным проявлениям внешнего мира...

Ну я, право, не знаю, как названные вами психические сферы определяют полноценную личность, да еще со сверхчувственным восприятием окружающей реальности, – Физик с сомнением покачал головой. – Здесь я остаюсь еретиком от психологической науки и продолжаю считать, что в судьбе нашего гипнотизера и прорицателя надо искать тре-

тью точку в сфере, связанной с личностным интеллектом. Я, конечно, понимаю, что мы вторгаемся в смутную область ассоциативных чувств, в которых заложено начало таких основополагающих черт личности, как страсть к познанию окружающего мира, логика мышления и, самое главное, творческое начало. Однако давайте вернемся к судьбе нашего героя:

«Мне нечего было больше делать в иешиботе, где меня пытались научить служить несуществующему Богу... Я не мог вернуться и домой к обманувшему меня отцу. И я поступил так, как нередко поступали юноши в моем возрасте, разочаровавшиеся во всем, что было для них святого в жизни: обрезал ножницами длинные полы своей одежды и решил бежать. Но для этого нужны были деньги, а где их взять? И тогда я совершил одно за другим сразу три преступления.

Сломав кружиску, в которую верующие евреи опускали свои трудовые деньги «на Палестину»⁴, и твердя про себя извечные слова всех обиженных и угнетенных: «Вот вам за это!..», я пересыпал себе в карман все ее содержимое: раз Бога нет, значит, теперь все можно... К счастью, оказалось, что это не так, что есть и помимо угрозы божьего наказания мотивы, удерживающие человека от дурных поступков. Но в те годы я еще не знал, что обманывать, совершать непорядочные поступки – это прежде всего терять уваже-

⁴ Так сионисты через еврейское духовенство собирали средства на возрождение «Государства Израилевого» в Палестине.

ние к самому себе. Я присел на холодных ступеньках молельного дома и пересчитал украденные деньги. Оказалось, как сейчас помню, восемнадцать грошей, которые составляли девять копеек. И вот с этим «капиталом», с опустошенной душой и сердцем я отправился навстречу неизвестности.

Пошел на ближайшую станцию железной дороги. По дороге очень захотелось есть – путь был неблизкий. Накопал на чужом поле картошки (второе преступление за одну ночь!). Разжег костер, испек ее в золе. Для меня и теперь нет лучшего лакомства, чем печеный картофель – рассыпчатый, пахнущий дымом, с неизбежной добавкой солоноватой золы...»

А вот довольно любопытно, – Физик с сомнением посмотрел на своего собеседника, – вы смогли бы уверенно диагностировать столь необычный психический строй личности Мессинга в юношеском возрасте?

Безусловно, нет! – Психолог резко захлопнул книгу немецкого психиатра. – Чтобы понять сущность странных и загадочных превращений в подростковой психике Вольфа, мы должны пристально присмотреться к эволюции самых различных психических черт. И здесь мы можем заглянуть в самые далекие глубины человеческой психики именно через мемуарные источники артиста. Ведь в них Мессинг рассказывает не только о внешних поступках своего героя, но и передает его слова, мысли, чувства, желания и даже показывает внутренние мотивы различных действий. Так мы мо-

жем выявить у юного Вольфа самые тонкие индивидуальные поведенческие вариации. Вот если, к примеру, тестируемый нами космонавт-оператор показывает боязливость или самоуверенность, сострадание или чувство справедливости либо, даже не проявляя этих качеств, сам себе их приписывает, то трудно с уверенностью сказать, перешагнул ли он границы нормальных реакций. Но когда мы анализируем у того же испытуемого его дневниковые записи, где все его вышеназванные черты проявляются вместе с мыслями, чувствами и эмоциональными оценками, это в большинстве случаев дает возможность безошибочно распознать проявление одной из сфер индивидуальности. Скажу по секрету, некоторые записи наших тестируемых пациентов дают любопытнейшие примеры индивидуальных вариаций человеческой психики.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.